

УДК 316.4

**«Мысль,
что мы равноправны, нас
еще больше воодушевляла»:
эмансипация советской
женщины в 1920-е гг.**

Д. В. Давыдов, О. В. Козлова,

*Казанский национальный
исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева – КАИ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**“The thought of us
having equal rights
encouraged us even more”:
emancipation of the Soviet
woman in the 1920s**

D. V. Davydov, O. V. Kozlova,

*A. N. Tupolev Kazan National Research
Technical University – KAI,
Kazan, the Republic of Tatarstan, the
Russian Federation*

Аннотация

Эмансипация женщины в российском варианте приобрела собственную специфику. Во многом она обуславливалась кризисом государственных структур первых десятилетий XX в., сопровождавшимся событиями российской революции 1917 г. Советское правительство рассматривало женщину как полноценного борца за новый общественный строй, возлагая на нее выполнение самых сложных и рискованных задач. По воспоминаниям женщин – активных участниц событий 1917 г., Гражданской войны и последующих мероприятий советской власти в Казанской губернии и Татарской республике – в статье воссоздается образ «новой женщины», воплотившей в себе стремление к гендерному и социальному равенству. Формируется коллективный портрет, в котором особое внимание направлено на особенности социального происхождения, трудовой деятельности, на формирование их образа мыслей и поведенческих установок. Отмечается, что революционные события 1917 г. открыли перед этим поколением женщин невиданные ранее перспективы. Большую роль в повышении социального статуса «новых женщин» сыграла их служба в воинских подразделениях на фронтах Гражданской войны, а также последующее участие в мероприятиях советской власти, в частности, коллективизации сельского хозяйства и борьбе с кулачеством. Сделан вывод, что сознание «новых женщин» прочно увязывало идеи гендерного равенства с равенством социальным, понимаемым как полное равноправие с мужчинами в процессе строительства нового справедливого общества. Определяющую роль в формировании образа «новой женщины» сыграли не столько внешние черты сходства с мужчиной, сколько стремление женщин стать полноправными участницами социально-политической жизни советского государства.

Abstract

The emancipation of women in Russia acquired its specific character. In many ways, it was the result of the crisis of state structures in the first decades of the 20th century accompanied by the

events of the Russian Revolution of 1917. The Soviet government saw a woman as a full-fledged fighter for a new social order and entrusted her with the most difficult and risky tasks. The article recreates the image of a “new woman” who was the embodiment of the aspiration for gender and social equality. The article is based on the reminiscences of women who fought in the Revolution of 1917 and the Civil War and participated in the following activities of the Soviet regime in Kazan province and the Tatar Republic. The focus of the work is on the peculiarities of the social origin, labour activity of this generation of women, and formation of their mentality and behavioural attitudes. It is noted that the revolutionary events of 1917 opened up unprecedented prospects of social dynamics for that generation of women. A significant part of raising the social status of the “new women” was contributed by their service in military units on the fronts of the Civil War and their subsequent participation in the activities of the Soviet regime, in particular, the collectivization of agriculture and the fight against the kulaks. It is concluded that in the women’s mind gender equality was firmly linked with the social one, which was understood as complete equality of rights with men during the building of a new equitable society. The decisive role in the formation of the image of the “new woman” was played not so much by the physical resemblance to men as by the women’s aspiration to become full participants in the socio-political life of the Soviet state.

Ключевые слова

Гендерное равенство, Гражданская война, «женский вопрос», женсоветы, комсомол, коллективизация, сестра милосердия, субботник, Татарская республика, эмансипация.

Keywords

Gender equality, the Civil war, the question of women’s rights, women's councils, Komsomol, collectivization, medical nurses, subbotnik, the Tatar Republic, emancipation.

Женская эмансипация была важной частью развития стран Запада на рубеже XIX-XX вв. Она включала в себя предоставление женщинам равных с мужчинами прав в общественной, трудовой и семейной жизни, подразумевала расширение их политической и общественной активности, доступ к образованию и новые модели поведения. В России процесс эмансипации приобрел собственную специфику, обусловленную кризисом государственных структур, который был связан с революционными событиями 1917 г.

Лидеры пришедшей к власти в октябре 1917 г. партии большевиков считали, что окончательное освобождение женщины будет связано с построением социалистического общества. Идея гендерного равноправия в руках советского правительства являлась инструментом реализации классовой политики и укрепления собственного влияния. Советское руководство рассматривало женщину как полноценного борца за новый общественный строй, на которого можно возложить выполнение самых сложных и рискованных задач. К тому же, сокращение мужского населения в ходе военных действий начала XX в. (Первая мировая и Гражданская войны) лишь усиливало интерес государства к женщинам как социальному ресурсу, что привело к формированию в массовом сознании образа новой «советской» женщины. Безусловно, этот образ олицетворял лишь довольно ограниченный круг женского актива, но, тем не менее, само появление этого актива свидетельствовало об изменениях в обществе. В 1930 г. И. В. Сталин объявил, что женщины уже достигли полного освобождения, что означало наступление нового этапа, по сути, сворачивание многих экспериментальных практик 1920-х гг.

Проблеме эмансипации советских женщин посвящено немало исследований. В советской исторической науке доминировала точка зрения, согласно которой ведущая роль в освобождении женщин от векового угнетения принадлежала государственным и партийным органам. Появление нового взгляда на проблему произошло лишь в 90-е гг. XX в.: важное теоретико-методологическое значение имеют работы Н. Л. Пушкаревой, которая анализирует проблемы истории повседневности в контексте женской истории¹. Отдельным направлением в историографии является круг работ, которые посвящены женщинам национальных меньшинств, женщинам-мусульманкам и т. п.²

В зарубежной историографии одним из первых исследований женского движения в России стала монография Р. Стайтса, где он выделил законодательную, мобилизационную, индустриализационную волны большевистского освобождения³. Г. Лапидус высказал мнение, что положение женщин в советском обществе, в особенности начиная с 1930-х гг., определялось не политикой общества по отношению к женщинам, а более глобальными процессами, происходившими внутри советского режима⁴. М. Бакли полагала, что в 20-е гг. были сделаны серьезные шаги в направлении равенства между полами в области домашнего труда, материнства и сексуальных отношений⁵. В. Голдман, на основе анализа семейной и репродуктивной политики большевиков, пришла к выводу, что большевистская политика 1920-х гг. привела к полному освобождению женщин⁶. Проблему изменения социального статуса сельской женщины в годы Первой мировой войны затронул Т. Шанин, обратив внимание на активность сельских вдов⁷. Изучение вопросов трансформации статуса городской женщины находилось в центре внимания Л. Абрамс⁸.

Таким образом, положение женщин в советском обществе всегда было объектом противоречивых интерпретаций. С одной стороны, исследователи подчёркивали достаточно прогрессивную социальную политику, которая позволила женщинам достичь высокого образовательного уровня и в полной мере реализовать свое право на труд и независимый заработок. С другой стороны, отмечалось существование вертикальной и горизонтальной сегрегации на рынке труда, незначительное участие женщин в политике и их загруженность домашней работой⁹.

Для воссоздания образа «товарища-женщины» мы обратились к сохранившимся воспоминаниям участниц революции и Гражданской войны, которые являлись безусловными сторонницами советской власти. Эти документы раскрывают особенности мировоззрения и жизненного пути первого поколения женщин, воплотивших в своей жизни идеи гендерного равноправия. Большая часть воспоминаний относится к периоду 1950-1970-х гг., что по истечении времени несколько снижает степень их достоверности, однако данные мемуары представляют собой уникальный исторический источник. Обращаясь к периоду своей юности, авторы донесли до нас бесценные сведения, которые невозможно встретить в источниках официального характера, так как воспоминания отражают личное восприятие судьбоносных для страны и нашего края событий.

Судьбы авторов оказались во многом схожими. Объединяло активисток рабоче-крестьянское происхождение, низкий уровень образования, многодетность семей, отсутствие материального достатка, раннее начало трудовой деятельности, часто – потеря родителей.

Свою рабочую биографию многие активистки начинали наемными работницами, батрачками, прислугой. Так, уроженка деревни Русский Каран Мензелинского

уезда Уфимской губернии В. М. Митюшкина писала: «Семи лет осталась без отца, до восьми лет росла в хозяйстве бабушки и матери... Восьми лет отдали в услужение в г. Мензелинск: с 1907 г. по 1915 г. работала у разных хозяев, где – нянчила детей, у которых – на побегушках, где – помощницей кухарки, делала все, что прикажут, по возможности моих сил и способностей. Грамотность имела один год одногодичной школы дер. Русского Карана. Хотелось очень учиться. Но мать моя ничего не имела, хозяйство было бабушкино бедняцкое»¹⁰. Жительница Казани Вера Николаевна Новикова, дочь мастерового, после того, как с трудом окончила 8 классов женской гимназии, вынуждена была начать трудовую деятельность¹¹. По ее словам, «с детства была понятна мне разница между рабочими и капиталистами, я видела, как тяжело жилось нашей семье и как легко жилось богачам»¹².

Ключевую роль в социализации этого поколения женщин приобретало устное, неформальное общение со сверстниками и старшими товарищами. Тяжелые условия жизни и недостаточная грамотность девушек были причиной высокого уровня доверия к различным видам агитации, что формировало в их сознании негативный образ «эксплуаторов», виновных во всех бедах трудового народа. Родившаяся в 1897 г. в поселке Кукмор Мамадышского уезда Казанской губернии А. А. Титова приобщилась к революционной деятельности после знакомства с революционно настроенным студентом Зверевым. «Я с детства видела, как мои родители, родные и все рабочие работали по 12 часов в день на фабриках нашего села Кукмора, еле-еле зарабатывали на хлеб, во время бесед с т. Зверевым мне становилось все яснее, что такая тяжелая жизнь у трудящегося народа была из-за того, что правил страной царь – представитель буржуазно-помещичьего эксплуататорского класса»¹³. Подобным образом формировалось мировоззрение уроженки деревни Камаево Елабужского уезда Амины Хузяхметовны Мухамадиевой (1903 года рождения). Называя себя «малограмотной девушкой», она вспоминала, как уже в 15-16-летнем возрасте «начала общаться с активом молодежи нашей деревни, среди которых были рабочие из Бондюжского завода, проживающие в деревне»¹⁴. Уроженка города Кинешма Ивановской области Людмила Михайловна Попова, 1902 года рождения, переехала в 1919 г. с семьей в Мензелинск. Здесь она познакомилась со сверстниками – молодыми комсомольцами, вместе с которыми обучалась на курсах агитаторов и пропагандистов¹⁵.

Д. Яковлева (стоит), А. Баранова, М. Попов (сидят). Западный фронт. 1920 г. ГА РТ, ф. П-30, оп. 3, д. 3142, л. 21.

D. Yakovleva (standing), A. Baranova, M. Popov (sitting). The Western Front. 1920. The State Archive of the Republic of Tatarstan, fond P-30, series 3, file 3142, p.21.

Революционные события 1917 г. открыли перед этими женщинами невиданные ранее перспективы. Возможность заявить о своих нуждах и интересах, в условиях нарастания социально-политического кризиса государственных механизмов, стала причиной активности женских масс, их стремления выразить себя. Проживавшая с 1916 по 1921 г. в Казани Сарра Абрамовна Шлосберг вспоминала о своем участии в забастовке работниц шляпного салона «Мадам Софи», произошедшей летом 1917 г. «Работать приходилось в тяжелых условиях. Обращение с работницами было грубое, заработная плата была низкая, рабочий день длился 12-14 часов. Ни общежития, ни охраны труда, ни социального страхования не было. Летом 1917 г. вспыхнула забастовка шляпниц, а через несколько дней к нам присоединились портные. На собрании работниц были сформулированы следующие требования: 1. 8-часовой рабочий день; 2. Повышение зарплаты; 3. Запрещение увольнять работниц после сезона; 4. Улучшение условий ученичества и т.д. Когда хозяева отказались удовлетворить наши требования, был выбран стачечный комитет, который объявил и возглавил первую Казанскую забастовку шляпниц, в состав комитета вошли Ольга Пинес, Рахиль Готлиб, Сарра Шлосберг и др. Забастовка шляпниц продолжалась длительное время. Мы устраивали вечера в пользу стачечного фонда, материально помогали бастующим работницам, устраивали пикеты, снимали штрейкбрехеров. После долгих споров с хозяевами в профсоюзных инстанциях хозяева в основном удовлетворили наши требования, и работницы приступили к работе. Но после окончания сезона хозяева начали увольнять организаторов забастовки и меня, как председателя стачечного комитета, тоже уволили»¹⁶.

Потеря заработка компенсировалась приобщением женщин к новым социальным общностям, таким, как зарождающиеся профсоюзные, партийные и комсомольские структуры. Феодосия Борисовна Николаева, работница Казанского Порохового завода, была избрана делегатом заводского комитета, образованного в 1917 г. По ее воспоминаниям, «в комитете я работала членом следственной комиссии, которая разбирала заявления рабочих и отстаивала их интересы. Работал со мной в комиссии тов. Потехин член партии – литейщик... он часто со мной беседовал о значении Партии большевиков, меня очень интересовало, но я раньше не понимала, что это за партия. Мне очень трудно жилось, и я хотела мстить каждому администратору или чиновнику, но тов. Потехин объяснил мне о значении партии, и я в сентябре месяце 1917 года подала заявление с рекомендацией тов. Потехина и тов. Жакова и тут же была принята»¹⁷. Фадеева Татьяна Федоровна, 1905 года рождения, поступила в феврале 1918 г. на работу на Казанский артиллерийский склад, где и вступила в партию. По ее словам, «с 1920-1929 год выполняла задания Чeka и ОГПУ по разоблачению контрреволюции и состояла членом Частей особого назначения»¹⁸.

Повышение социального статуса женщин в те годы нередко происходило в ходе военной службы на фронтах Гражданской войны. Одна из участниц боевых действий – Мария Гавриловна Шмакова – вспоминала: «Когда на Казань напали белогвардейские банды, я пошла с винтовкой, а потом мне дали пулемет и я была на защите Казани»¹⁹. В 1919 г. она была направлена на Южный фронт против Врангеля: «Под Перекопом меня ранили, и я получила контузию, после чего меня увезли в больницу, в которой я пролежала 8 месяцев»²⁰. Другая участница сражений – Серафима Николаевна Шестеркина – вспоминала: «В период Гражданской войны состояла в партизанском отряде и участвовала в защите г. Казани от нашествия

белочехословаков в 1918 году, за что подвергалась репрессиям – была арестована и сидела в тюрьме в г. Казани»²¹.

Немалая часть женщин принимала участие в военных действиях в роли медработников, как, например, В. М. Митюшкина. Будучи санитаркой Мензелинского партизанского отряда, вместе с бойцами она была направлена под Ижевск. Свой первый бой она вспоминала так: «В Ижевске орудовали белогвардейцы-эсеры. Рабочие завода были спровоцированы белогвардейцами против большевиков и рабоче-крестьянской власти. Оружия у ижевцев было до зубов, и они нас били здорово. У нас не все бойцы имели винтовки. На пристани Тальяны отряд был выгружен десантом и сразу же вступил в бой. В таком аду я участвовала впервые. Гром орудий и пулеметов, стоны раненых. Было страшно. Но бояться стыдно, взяла себя в руки и забыла страх, оказывая скорую неотложную помощь. Мне было 18 лет»²².

Участницей сражений Гражданской войны стала и Клавдия Алексеевна Якубовская, работавшая сестрой милосердия в Татаро-Башкирском батальоне. В 1918 г. в деревне Батырево Симбирской губернии их батальон оказался в окружении белогвардейцев. К. А. Якубовская оказалась свидетельницей расправы над красноармейцами: «Зажиточный крестьянин, хозяин этого дома (в котором размещались красноармейцы. – Авт.) запирает ворота, кричит подоспевшим белым, и наши три красноармейца падают тут же зарубленные шашками»²³. Санитаркой на фронте служила и Ольга Сергеевна Чаховская, родившаяся в 1895 г. в семье петербургского рабочего-металлиста. По ее воспоминаниям, «в начале 1918 г., когда немцы наступали на Петроград», она с членом партии Анастасией Мироненко ушла на фронт санитаркой²⁴. Зоя Владимировна Модина, 1895 года рождения, уроженка Краснококшайска, активная участница установления советской власти в Казани, в своих мемуарах писала, что в 1918 г., после освобождения города от чехословацких войск, «пройдя краткосрочные курсы красных сестер, выбыла с особым чрезвычайным отрядом по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, который в Астрахани был переформирован в особый отдел при штабе XII армии. Сестрой я работала до половины ноября того же года»²⁵.

В подобных условиях равенство с мужчиной стало восприниматься как стремление к нивелированию гендерных различий. В первую очередь, это подчеркивалось внешним обликом женщин. Распространение коротких стрижек, ношение одежды военного покроя становилось вполне естественным атрибутом проявления гендерного равенства. Обратимся к воспоминаниям Евдокии Яковлевой, члена Бугульминской парторганизации, слушательницы курсов Совпартшколы, мобилизованной на фронт: «Вся наша Совпартшкола была вооружена и являлась одним из отрядов Самарской части особого назначения ... Вот и вокзал. А мне еще предстояла “сложная операция”: я зашла в первую попавшую вокзальную парикмахерскую, чтобы быстро срезать свои длинные косы, но мастер, посмотрев на мои длинные косы, сказал: “Не могу, рука не поднимается”. И стал меня убеждать, что такие косы украшают девушку, и категорически отказался. Я забежала в другую и уже сразу заявила: “Мне нужно снять косы, так как я еду на фронт, и они мне будут мешать”. Покачив головой, мастер согласился. Я быстро прибежала на перрон, ребята увидели меня так и ахнули, кто ругал меня за это, а кто одобрял»²⁶.

Подражание мужчине проявилось и в поведенческих практиках. Все чаще можно было видеть женщину, занятую на тяжелой физической работе. Вернемся к воспоминаниям Евдокии Яковлевой о событиях апреля 1919 г., когда она приняла участие в погрузке мешков с хлебом на станции Шантала: «Я попросила начальника

охраны заменить меня, чтобы я могла тоже грузить хлеб. Получив разрешение и передав винтовку, я тоже включилась в этот живой поток, где без особого шума, напряженно и ритмично двигались тени с огромными мешками на плечах к вагонам, оставляя там мешки с зерном, проворно возвращались на площадку элеватора. Откровенно говоря, мне тяжело было взваливать на плечи огромные мешки, но помня указание партии «не оставлять ни одного зерна Колчаку» – это воодушевляло меня, придавало мне силу и волю, и я справлялась с этой тягой наравне с мужчинами, которые подзадоривали меня возгласами «Ай да Яковлева – молодчина! Вот это равноправие!». К утру эlevator был разгружен»²⁷. В воспоминании об одном из комсомольских субботников, проведенных в 1919 г. в городе Бугульме, когда молодежь была мобилизована на погрузку мешков с хлебом для голодающих жителей Москвы и Петрограда, та же Е. Яковлева писала: «Среди нас было немало юношей, им эта работа была более привычной, а вот нам – девушкам, приходилось трудновато, но нас не страшило это, ибо физически мы были крепки и сильны. Кроме того, мысль о том, что мы теперь равноправны, нас еще больше воодушевляла, и мы с удесyтеренной силой таскали эти мешки наравне с юношами, не допуская даже мысли, что мы можем от них отстать»²⁸. Аналогичный настрой прослеживался в воспоминаниях В. Ф. Федоровой о проведении в Казани субботников по очищению разрушенных производственных зданий. Здесь трудились комсомольские группы из юношей и девушек: «Приедем раньше назначенного времени часа на 2 и уходим позже часа на 2. Мы расчищали здание, подготавливали фронт работы для строителей. Комсомол ходил на субботники на Волгу – на разгрузку дров, соли. На железной дороге разгружали вагоны»²⁹.

Характерной особенностью психологии «новой женщины», таким образом, становилось восприятие общественных интересов как собственных, личных, что формировало соответствующие модели поведения. Шпигель Антонина Яковлевна, одна из первых пионервожатых города Казани, вспоминала времена голода: «В 1921 г. в Казани был сильный голод, но, несмотря на то, что мы были сами голодные, все же приходилось выступать на сцене, чтоб собрать средства для голодающих детей. Помню, как я стояла в очереди за хлебом на улице Гладилова, у меня от голода скружилась голова, и я упала без сознания, выбила все зубы, и вот с тех пор у меня искусственные зубы, но несмотря на это за мной часа через два пришли подруги, Вера Куракина и Нюся Орлова, и говорят, пойдем в Рабочий дворец, там собрался народ, все билеты проданы, надо нам с тобой танцевать украинский танец, и пришлось пойти и танцевать, так как концерт срывать было нельзя, деньги шли в пользу голодающих». Свой вклад в борьбу с голодом внесла Халитова Евдокия Ивановна, член партии с 1919 г. Как указано в ее характеристике, «в 1921 году, когда Советская власть находилась в железных тисках голода, т. Халитова работает при Арском контисполкоме членом АРА и не щадя своих сил организует помощь голодающему населению»³⁰.

Идеи социального и гендерного равенства имели отклик и в национальной среде, несмотря на сохранение традиционного быта, особенно сильно проявлявшегося в сельской местности. Реакция на изменившееся поведение женщины была здесь весьма негативной, особенно в татарской среде. Одна из женорганизаторов Анастасия Павловна Шувалова вспоминала, что на собрание женщин пришла одна татарка, которой пришлось пройти пешком 10 км, после того, как ее муж столкнулся с саней, «чтобы она не срамила его перед народом»³¹. В татарской деревне Житлар мужчины разгоняли женские собрания, заявляя, что их жены отрываются

от семейств, лишая надзора детей³². Но даже и в этих условиях находилась часть женщин-активисток, не желавших жить по-старому. А. П. Шувалова, вспоминая о своей работе в кантонном женотделе, называет имена некоторых местных женщин-татарок – Амина из деревни Молвино, Нурзиган из деревни Ширданы, Фатима Сабитова из деревни Нурлаты, Шамеева из деревни Агшено, Марьям из деревни Ачасыры и др. К концу 1921 г. удалось создать женский актив из татарок: «Поснимали они свои покрывала, стали ходить с открытыми лицами, смело ходили на собрания, хотя часто при встрече мулла и его жена плевались, но женщины-татарки не стали обращать внимания»³³.

Активную позицию по защите прав женщин, по их включению в общественную жизнь занимала дочь чувашского крестьянина Елена Евграфовна Павлова, работавшая учительницей в школе деревни Ерендаевки Чистопольского уезда. Как указано в ее биографии, «в 1918 году она вступает в ряды РКП(б) и сразу же становится активным работником партии – борется за установление и укрепление советской власти, за развертывание народного образования; становится вожаком женщин, работниц и крестьянок, и строительства новой жизни в деревне»³⁴. Еще одна активистка – Малика Хайрулловна Палютина, работая женорганизатором в различных районах Татарской республики с 1920 по 1927 г., отмечала: «В те годы нелегкий путь прошли наши славные делегатки, активные помощницы женотдела. Несмотря на разруху, нехватки, [когда] не было ни хлеба, ни соли, ни мыла, ни сахара, ни света, только керосиновые лампы, ни дров, даже не на чем писать. Но никто не унывал, не жаловался на нехватки, активно участвовали в субботниках, проводили сбор средств на организацию общественного питания, детских учреждений, помощь фронту, ибо женщина верила коммунистической партии, и знали, что только мы своим трудом сможем победить все тяжести и бедствия»³⁵.

Изменение социального статуса оказалось связано с выполнением женщинами новых обязанностей. Обращаясь к событиям Гражданской войны, одна из ее участниц – М. Г. Шмакова – вспоминала, как она была отправлена в деревню забирать хлеб у крестьян. Из троих отправленных активистов убили двоих (мужчин), осталась она одна, сумевшая вернуться в Казань и привезти вагон хлеба³⁶. Энергия и активность женских масс в конце 1920-х – начале 1930-х гг. были использованы в процессе создания колхозов и борьбы с кулачеством. Уроженка села Шереметьево Клавдия Александровна Мокшина, член КПСС с 1926 г., была направлена в январе 1930 г. в с. Буддырь Чистопольского кантона, где при ее активном участии был образован колхоз «Красный луговик»: «В этом же селе мне пришлось проводить раскулачивание, на базе сплошной коллективизации, и выселять кулаков»³⁷. Родившаяся в 1912 г. в деревне Новые Сафайли Челнинского района в семье крестьян-середняков Айша Асилгареевна Шамсутдинова стала организатором колхоза «Гигант» Челнинского района ТАССР, в котором была председателем с 1930 по 1934 г. По ее словам, ее кандидатура была выбрана на первом собрании колхозников: «Я сама боялась, выступала против своей кандидатуры, не в том, что не хотела работать, а разъясняла, что в таком большом деле ничего не знаю, надо учиться. Уговаривали, говоря, что это работа для всех новая, должна начать молодежь, а руководить мы тебе поможем, научим. Таким образом, я стала председателем колхоза»³⁸. Работа эта оказалась сложной и даже опасной. Айша Асилгареевна вспоминала, как в конце 1929 г.: «Ночью шла из канцелярии с работы по сбору финансов, на меня напали с ножом и бросили в овраг, несколько часов я была без сознания, но благодаря врачам, через два-три месяца мое здоровье было восстановлено. Таким образом,

коллективизация сельского хозяйства велась в жестокой классовой борьбе, мы раскулачивали 4 хозяйства кулаков, из них 2 хозяйства были сосланы»³⁹. Остроумова Н. А., будучи студенткой Татарского коммунистического университета, была отправлена в 1928 г. в село Соболевское для организации колхоза. По ее словам: «Собирала крестьянок беднячек на общие женские собрания, вела отдельные индивидуальные беседы. И вот, мне врезался в память один разговор с Матреной, пожилой крестьянкой, одиночкой... Во время бесед о положении женщины при советской власти она сказала: “Все это хорошо, но ведь мы, крестьяне, и пенсию не получаем, и тех льгот, которые имеют горожане”. Помню, я ей отвечала: “Подожди, окрепнет государство, придет время, и крестьяне, как и горожане, будут получать пенсию”»⁴⁰.

Таким образом, масштабная трансформация властных и общественных институтов российского государства в первые десятилетия XX в., укрепление органов советской власти и проводимая ими политика определили общий вектор процессов эмансипации женского населения. В сознании «новых женщин» идеи гендерного равенства прочно увязывались с равенством социальным, понимаемым как полное равноправие с мужчинами в процессе строительства нового справедливого общества. Что касалось внешних проявлений этого равноправия, то они были призваны подчеркнуть полный и решительный отказ от подчинения мужчине, которое воспринималось как олицетворение прежнего мира несправедливости и эксплуатации. В то же время, определяющую роль в формировании образа советской женщины сыграло не столько внешнее сходство с мужчиной, сколько стремление женщин стать полноправными участницами социально-политической жизни советского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Пушкарева Н. А. Русская женщина: история и современность. – М., 2002.
2. Gradska Y. Soviet Politics of Emancipation of Ethnic Minority Woman. – Springer, 2019.
3. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860-1930. – Princeton, N. J., 1978.
4. Lapidus G. Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. – Berkeley, Los Angeles and London: Berkeley University Press, 1978.
5. Buckley M. Soviet Interpretations of the Woman Question / Holland B. (ed.) // Soviet Sisterhood: British Feminists on Women in the USSR. – London: Foth Estate, 1985.
6. Goldman W. Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
7. Shanin T. The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910-1925. – Oxford, 1972.
8. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918. – М., 2011.
9. Ashwin S. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. – London: Routledge, 2000.
10. ГА РТ, ф. П-30, оп. 3, д. 1946, л. 1.
11. Там же, д. 2103, л. 7.
12. Там же, л. 6.
13. Там же, д. 2695, л. 1.
14. Там же, д. 2030, л. 1.
15. Там же, д. 2269, л. 3 об.
16. Там же, д. 3079, л. 13-14.

17. Там же, д. 2096, л. 4.
18. Там же, д. 2775, л. 4 об.
19. Там же, д. 3082, л. 6-7.
20. Там же.
21. Там же, д. 3066, л. 3.
22. Там же, д. 1946, л. 6.
23. Там же, д. 3144, л. 1.
24. Там же, д. 2950, л. 4.
25. Там же, д. 1965, л. 3.
26. Там же, д. 3142, л. 18.
27. Там же, л. 12.
28. Там же, л. 4.
29. Там же, д. 2816, л. 5.
30. Там же, д. 2875, л. 4.
31. Там же, д. 3097, л. 21.
32. Там же, ф. II-15, оп. 2, д. 355, л. 67.
33. Там же, ф. II-30, оп. 3, д. 3097, л. 21.
34. Там же, д. 2164, л. 1
35. Там же, д. 2185, л. 41.
36. Там же, д. 3082, л. 6.
37. Там же, д. 1969, л. 27.
38. Там же, д. 3030, л. 5-6.
39. Там же, л. 5.
40. Там же, д. 2156, л. 9 об.

Список литературы

- Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918. – М., 2011.
 Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. – М., 2002.

References

- Abrams L. Formirovanie evropeyskoy zhenshchiny novoy epohi* [Formation of the new-epoch European woman]. 1789-1918. Moscow, 2011.
- Ashwin S. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000.
- Buckley M. Soviet Interpretations of the Woman Question*. Holland B. (ed.). IN: *Soviet Sisterhood: British Feminists on Women in the USSR*. London: Foth Estate, 1985.
- Goldman W. Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Gradskova Y. Soviet Politics of Emancipation of Ehtnic Minority Woman*. Springer, 2019.
- Lapidus G. Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. Berkeley, Los Angeles and London: Berkeley University Press, 1978.
- Pushkareva N. L. Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost* [The Russian woman: history and modernity]. Moscow, 2002.
- Shanin T. The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910-1925*. Oxford, 1972.
- Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860-1930*. Princeton, N.J., 1978.

Сведения об авторах

Давыдов Денис Владимирович, доктор исторических наук, профессор Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ, e-mail: davdv@mail.ru

Козлова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ, e-mail: hollyhouse@mail.ru

About the authors

Denis V. Davydov, Doctor of Historical Sciences, Professor at A. N. Tupolev Kazan National Research Technical University, e-mail: davdv@mail.ru

Olga V. Kozlova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at A. N. Tupolev Kazan National Research Technical University – KAI, e-mail: hollyhouse@mail.ru

В редакцию статья поступила 18.09.2021, опубликована:

Давыдов Д. В., Козлова О. В. «Мысль, что мы равноправны, нас еще больше воодушевляла»: эмансипация советской женщины в 1920-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2021. – № 4. – С. 60-70

Submitted on 18.09.2021, published:

Davydov D. V., Kozlova O. V. “*Mysl, chto my ravnopravny, nas eshche bolshe voodushevlyala*”: *emansipatsiya sovetskoy zhenshchiny v 1920-e gg.* [“The thought of us having equal rights encouraged us even more”: emancipation of the Soviet woman in the 1920s]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov [Echo of centuries]*, 2021, no. 4, pp. 60-70.